

На улице перед резиденцией князя-защитника Севера Гу Тин, совершенно не подозревая, какой резонанс вызвала эта сцена и сколько людей спешит сюда со всех сторон, спокойно смотрел на Сюй Инлань с лёгким недоумением.

Несколько лет унижений не превратят невестку в свекровь, а солдат, не заискивая перед старшими, не станет командиром? Уважай старших, и они научат тебя жить? В этих словах было столько сомнительных моментов, что он даже не знал, с чего начать.

«Эта девушка вообще себя уважает? Хотя капля веры в себя у неё есть? Она прекрасно понимает, что её происхождение не позволяет ей мечтать о большем, и её цель на всю жизнь — стать всего лишь наложницей?»

Иногда, если человек упорно притворяется спящим, его не разбудить даже пощёчиной.

Гу Тин решил не вступать с ней в полемику — это было бесполезно. Он лишь слегка опустил ресницы.

— Прощу прощения, я, видимо, что-то упустил. Не знал, что вы, сударыня, сражались на поле боя и дослужились до звания командира.

Сюй Инлань замерла. Она... говорила такое?

Гу Тин взглянул на свой тонкий стан и вздохнул.

— К сожалению, я слаб здоровьем. Я всегда восхищался воинской доблестью, но, увы, мне не суждено было побывать на границе.

Сюй Инлань почувствовала в его словах скрытую насмешку и вспыхнула.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю!

— Знаю, — моргнул Гу Тин. — Вы ведь на собственном примере учите меня, что для того, чтобы стать командиром, храбрость в бою — дело второстепенное. Главное — уметь соблюдать иерархию и угождать начальству.

Толпа дружно загудела.

Слова были неприятными и пахивали нечестностью. Если все начнут плести интриги, кто будет побеждать на поле боя? Войны выигрываются сражениями. Если бы можно было одолеть

врага хитростью, зачем нужны были бы генералы? Зачем нужен был бы князь-защитник Севера?

Поначалу слова Сюй Инлань об уважении к старшим не вызвали у людей отторжения, но после того, как Гу Тин так ярко их высветил, взгляды, обращённые на неё, изменились.

Сюй Инлань почувствовала неладное и не решилась продолжать эту тему. Понимая, что авторитетом ей больше не задавить, она указала на вывеску над воротами резиденции.

— Я говорю об этом! Ты ведь хочешь войти? Так попроси меня хорошенько, и я тебя проведу!

Гу Тин рассмеялся.

Его смех был подобен весеннему солнцу — яркий и ослепительный.

Он сделал два шага вперёд, понизил голос, и его взгляд стал многозначительным.

— Если бы я захотел войти, неужели мне понадобилась бы ваша помощь, сударыня?

Сюй Инлань поняла скрытый смысл его слов и покраснела.

— Ты что, не слышал, что я только что сказа...

Гу Тин сделал ещё шаг, перебивая её:

— Вы правы, сударыня, в некоторых вещах действительно важен опыт и старшинство. Вы так торопитесь, видимо, у вас нет никакой возможности приблизиться к князю. Может, вам стоит попросить меня? Будьте немного скромнее, проявите уважение, и, возможно, я вас научу.

Лицо Сюй Инлань вспыхнуло.

— Ты... бесстыдник!

Гу Тин опустил ресницы.

— Смелость признаться в своих желаниях всяко лучше, чем действовать намёками и интригами, не так ли?

В то время как другие скрывали свои намерения за завесой приличий, он сорвал этот фиговый листок и высказал всё вслух.

Иногда откровенный негодяй вызывает больше симпатии, чем лицемер. Потому что его злодеяния на виду, его цели и методы ясны. Мир смеётся над бедностью, а не над распутством, но больше всего презирает тех, кто, будучи распутником, строит из себя святого.

Толпа загудела ещё громче.

Часть людей потешалась над смелостью Гу Тина, но большинство смеялось над Сюй Инлань.

Сюй Инлань никогда в жизни не испытывала такого унижения.

— Ты, по фамилии Гу, да как ты смеешь!

Гу Тин сделал невинное лицо.

— Сударыня, это вы преградили мне путь. Это вы начали меня поучать. Это вы, не найдя аргументов, разыгрываете из себя жертву. Что, все правила на вашей стороне? Я вас ударил или оскорбил?

— Кто первый начал, тот и виноват!

— Сударыня, с красноречием у вас неважно!

— А этот молодой господин, утончённый и изящный, видать, часто язык тренирует?

— Ну конечно, он же «любимец»! Князь, должно быть, с большой любовью его тренирует!

Обычный человек на его месте сгорел бы со стыда, но Гу Тин был не из таких. Он даже картинно поклонился в сторону говорившего с самодовольным видом.

— Ха-ха-ха!

Толпа развеселилась ещё больше, подхватывая шутки и смеясь в голос.

Сердце Сюй Инлань бешено колотилось. Только сейчас она поняла, какую ошибку совершила! Откуда ей было знать, что этот человек окажется таким наглым и бесстыдным! Говорить о таких личных вещах на публике, неужели он не боится гнева князя?!

«Что делать, что делать? Спасите меня кто-нибудь! Если так пойдёт и дальше, я буду опозорена на всю жизнь, и о княжеской резиденции можно будет забыть!»

Словно услышав её мольбы, раздался голос, пришедший ей на помощь.

— Брат Тин, обижать женщину среди бела дня — не слишком-то по-джентльменски.

Толпа расступилась, и вперёд вышел Гу Цинчан, заложив руки за спину.

— В этом мире, где есть добро, есть и зло, где есть вода, есть и засуха. Всегда найдутся те кривые пути, что вредят потомству и народу, и все их проклинают... Брат Тин, тебе стоит быть осторожнее в словах.

Какие бы благородные слова о добре и зле, воде и засухе он ни произносил, фраза «вредят потомству» была слишком явным и жестоким намёком.

Гу Тин прищурился, его взгляд быстро метнулся от Гу Цинчана к Сюй Инлань и обратно.

«Знакомы? Непохоже. Значит, "враг моего врага — мой друг"».

Гу Цинчан хочет использовать Сюй Инлань против него? Но эта дама, очевидно, не блещет умом и, скорее всего, окажется никудышным союзником. Зачем она ему понадобилась?

«Ах, брат, как бы ты не пожалел об этом».

Гу Тин, прижимая к себе грелку и утопая подбородком в густом меху воротника, добродушно улыбнулся.

— Не понимаю, о чём ты, брат. Зимой мы ждём тепла, летом — прохлады. Так устроен мир. Что хорошо, а что плохо — зависит от того, чего нам не хватает в данный момент. На севере пшеница любит засуху, на юге рис — воду. Так что лучше — вода или засуха? И кто здесь тот, кого все проклинают?

Гу Цинчан на мгновение растерялся, не зная, что ответить.

«Северяне любят мучное, южане не могут жить без риса. Что мне отвечать? Ты что, хочешь развязать войну между севером и югом? Я на эту уловку не попадусь!»

Гу Тин знал, что его сводный брат неглуп и на такой вопрос не ответит. Он слегка вздёрнул подбородок, его вид был полон спокойствия, а голос звучал твёрдо и уверенно:

— Князья-защитники Севера из поколения в поколение охраняют наши границы. Какой бы тяжёлой ни была битва, какой бы лютой ни была метель, их знамя не падает, их армия не отступает. Ни мороз, ни враг не могут их сломить. Даже умирая, они не отдают ни пяди земли

Великой Ся! Князь безжалостен к врагам, одно его имя наводит ужас на детей северных Ди. Враги жаждут испить его крови и сгрызть его кости, а наш народ почитает его как бога. Так скажи мне, хорош он или плох?

Этот вопрос... был ещё опаснее. Гу Цинчан не смел на него отвечать. «Да что за чушь он несёт? Что у него в голове?!»

Гу Тин сделал шаг вперёд.

— Князь-защитник Севера в три года начал учиться, в пять взял в руки меч, в одиннадцать — отправился на войну. Прошли десятилетия, и всё это время он не делал ничего, кроме как защищал наши рубежи. У него не было времени ухаживать за престарелой бабушкой, воспитывать младших брата и сестру, даже жену себе найти. И никто не упрекнул его, не осудил, наоборот, все ему сочувствуют. Так что же, он не заслуживает иметь хоть какие-то свои пристрастия? Он должен жить только так, как велит твой так называемый «праведный путь»?!

Все замерли.

Гу Цинчан отшатнулся на несколько шагов и закричал:

— Я... я никогда такого не говорил!

Гу Тин невозмутимо посмотрел на него.

— О, неужели?

Гу Цинчан указал на Сюй Инлань.

— Я просто заступился за неё! Она всего лишь женщина, зачем ты так её унижаешь?!

— А ну пошёл прочь!

Не успел Гу Тин и слова сказать, как из толпы вылетел Мэн Чжэнь и, подбежав, ткнул пальцем в нос Гу Цинчану.

— Какой же ты бесстыжий! Вы же братья от одного отца! Ты не любишь своего брата, не заботишься о нём! Когда его обижают, ты стоишь и смотришь! Перед всеми этими людьми, вместо того чтобы защитить его, ты помогаешь другим его ругать! Ты вообще человек?! Ты не достоин зваться его братом, не смей вмешиваться в его дела! Бесстыдник, бесстыдник, бесстыдник!

Гу Цинчан опешил.

В голове у него крутилось лишь одно: «бесстыдник, бесстыдник, бесстыдник».

— И ты тоже бесстыжая!

Мэн Чжэнь повернулся к Сюй Инлань.

— Ты кто такая, чтобы стоять здесь и говорить такое?! У тебя есть на это право? Тебе что, хозяйева резиденции разрешили? Ты хочешь стать наложницей, а князь тебе позволил? Свадебные дары прислал? Ты устроила этот позор на улице, а своего двоюродного брата спросила? Он согласен, что у него такая бесстыжая сестра?!

— Я... я...

Сюй Инлань от стыда закрыла лицо рукавом и не смогла вымолвить ни слова.

Мэн Чжэнь распалялся всё больше.

— Пользуешься крохами милости княжеской резиденции и возомнила себя особенной! Бесстыдница! Ты думаешь, вдовствующая княгиня добра к тебе, потому что ты ей нравишься? Если ты такая способная, почему не идёшь прямо к своей цели? Если хочешь преградить путь, так преграждай его князю! Спроси у него, нравишься ли ты ему, хочет ли он на тебе жениться! Зачем ты цепляешься к другим? Потому что они кажутся тебе лёгкой добычей, которую можно растоптать, чтобы взобраться повыше?!

Говоря это, Мэн Чжэнь, казалось, вспоминал что-то своё, и его слова звучали особенно искренне. Его пухлые щёчки надулись, а глаза покраснели.

— Воины на передовой сражаются не на жизнь, а на смерть. Сколько их жён, выйдя замуж за солдат, ведут хозяйство, заботятся о стариках и детях, день за днём ждут, тревожатся и молчат. Я уважаю их... Я уважаю семьи всех солдат. Они так много отдали ради нашей страны. Даже если у них скверный характер или они не слишком добры, мы должны быть к ним снисходительны. Но не к таким, как ты! Ты можешь вредить кому угодно, но не трогай князя! На их плечах лежит огромная ответственность, у них есть дела поважнее, чем тратить на тебя время! Ты недостойна!

Говоря это, Мэн Чжэнь ещё и яростно посмотрел на У Фэна, как бы говоря: «Давай, поддерживай!»

У Фэну ничего не оставалось, как для вида ткнуть пальцем в сторону Сюй Инлань и пробормотать:

— Да, недостойна! Бесстыжая!

Сюй Инлань была готова провалиться сквозь землю.

«Да отпустите вы меня!»

Ей было так стыдно, что она готова была упасть на колени и поклясться, что больше никогда так не поступит. Она была уверена в своей победе, как же она могла так ошибиться? Что она сделала такого ужасного, чтобы её так унижали?!

И что самое ужасное, в этот самый момент вернулся князь-защитник Севера, Хо Янь.

<http://bllate.org/book/15878/1585664>